

Одиннадцать широко раскрыла глаза, не в силах поверить, что такие бесстыжие люди, как он, существуют. Она была крайне разгневана, и ее гнев мгновенно вспыхнул от того, что он подверг себя опасности, сыграв против нее ее заботу о нем. Это было слишком! Лед был очень скользким, и они оба были очень быстры на льду. Когда она подумала о том, насколько быстр Энтони, то, если бы он потерял опору и поскользнулся, это привело бы к немыслимым последствиям. Она, не задумываясь, обернулась, чтобы схватить его. Она не ожидала, что это будет его уловка, чтобы заманить ее назад. Энтони действительно был слишком серьезен! Как он мог манипулировать ее мыслями и быть уверенным, что она повернет назад? Если бы у нее не было этих мыслей о нем, она бы никогда не вернулась. Неужели он предпочел бы, чтобы она действительно упала?

Поскольку она была крайне разгневана, то, не выдержав поцелуев Энтони, с силой уперлась ладонями в его грудь. Энтони, видимо, ожидая ее действий, нежно взял ее за запястья и, обхватив ладонями, сцепил пальцы с ее. Сильные удары ладоней Одиннадцать были ловко нейтрализованы его крепкой хваткой. На протяжении всего процесса он не отпускал Элеву и по-прежнему глубоко целовал ее. Прижимаясь к ней теплыми губами, он просто посасывал ее губы, не решаясь переступить через себя. В голове у Одиннадцати все перепуталось, она ничего не могла вспомнить, словно ее рассудок потерялся в кастрюле. Когда он поцеловал ее, она была застигнута врасплох, и ее лицо заметно покраснело. От ужаса у нее заколотилось сердце, а от запаха его одеколона закружилась голова, и она потеряла всякое подобие рассудка. Только он полностью заполнил ее глаза, сердце... Энтони...

Вокруг раздавались свист и крики мужчин и женщин. Несмотря на то, что они были незнакомы друг с другом, увиденная сцена показалась им необыкновенно красивой - ветреный снежный пейзаж, сопровождаемый идеальной парой, влюбленной друг в друга. Их роман был несколько загадочным и в то же время романтичным, а юноши и девушки, искренне радовавшиеся за пару, поддерживали их. Энтони целовал Элеву до тех пор, пока у нее почти не перехватило дыхание. Элеву не могла отвести взгляд, и Энтони был явно неудовлетворен. Он слегка наклонился вперед и чмокнул покрасневшие от поцелуя губы. При виде его нежного лица и глубокого страстного взгляда у Элевы заколотилось сердце, и она попыталась вывернуться. Энтони, казалось, знал ее мысли и не желал отпускать ее. Он крепко обнял ее за талию и улыбнулся. "Куда ты идешь?"

Она не могла ответить, а свист и одобрительные возгласы толпы все не стихали. Одиннадцать все еще была зажата в его объятиях и не могла вырваться. Одиннадцать поборола свою слабость... "Я выиграла Маленькую Семерку!" Энтони с улыбкой посмотрел на нее. При этих словах на Элеву накатила волна гнева, и она сердито уставилась на Энтони. "Что ты за человек, который прибегает к таким уловкам? Если уж говорить о хитрости, то разве ты не знаешь, какой опасности ты себя подвергаешь? А если бы ты..." По мере того как Элеву говорила, она чувствовала, что слишком взволнована. Ее взгляд выдавал ее настроение. Она замолчала и молча смотрела на него. Несмотря на то, что Энтони отругали, настроение у него было еще лучше, и он улыбался еще щедрее. "Ты беспокоишься обо мне?" "Нет, не волнуюсь". категорически отрицала Одиннадцать, пытаясь отойти от Энтони. Энтони видел, что у нее на уме, и она явно не подходила Энтони в этой области.

Он не позволил ей исполнить свое желание и сказал: "Отныне ты моя девушка". "I..." Одиннадцать запаниковала и чуть не прикусила язык. Теперь, когда об этом было сказано, она в панике огляделась по сторонам и увидела вокруг себя юношей и девушек. Некоторые из них начинали играть, а другие говорили о них двоих. Тогда она поняла... не слишком ли поздно сожалеть? "Малышка Семь, о чем тут жалеть?" "Ты бесстыжая". "Я спрашиваю не о том, как, а о конечном результате", - сказал Энтони, держа ее за руку и улыбаясь. "Малышка Семь, ты так меня боишься?" "Пожалуйста, не провоцируй меня, я на это не поведусь", - холодно сказала

Одиннадцать. Раз уж она дала обещание, то не откажется от него. "Я согласна". "Ты серьезно?"

Одиннадцать кивнула, и Энтони вдруг расплылся в широкой улыбке, обнял Одиннадцать и закурился на льду. Одиннадцать думала, что у нее будет тяжело на сердце, но, увидев его счастливое лицо, почувствовала неописуемый восторг и неудержимо заулыбалась. Затем она поняла, что они все еще находятся на льду и в случае падения окажутся в затруднительном положении. "Энтони, перестань меня кружить. У меня голова идет кругом". Услышав ее, Энтони быстро опустил ее на землю, хотя все еще был в восторге. Держа ее за руку, он не знал, что сказать, и вдруг обхватил ее лицо и поцеловал в губы. Этот парень... Одиннадцать ничего не могла с ним поделать и просто позволила ему быть. Они еще некоторое время катались на коньках. Они были недалеко от дома Куртов, поэтому поставили коньки на видное место и пошли гулять по снегу. Поскольку Энтони не был знаменит, он не шел рядом с ней, а держал ее за руку с исключительной гордостью и удовлетворением. Одиннадцать горько улыбнулась.

"Что именно тебе во мне нравится?" Одиннадцать была крайне озадачена, ведь она не была той, кто нравился мальчикам. Вспомнив себя прежнюю, нынешнюю, она вдруг почувствовала себя очень торжественно. Да, действительно, как она могла забыть? Малышка Семь была живой, очаровательной, умной и очень симпатичной. Что касается Одиннадцать... Энтони нравилась Маленькая Семерка, а не Одиннадцать. У Одиннадцать сжалось сердце, и она пожалела, что стала другим человеком, не имея возможности отступить? Если она не сможет изменить свой ледяной характер, Энтони будет крайне разочарован, узнав, что она холодный и неинтересный человек. Она не могла описать свои чувства, но чувствовала, что слегка разочарована. Хотя это и не звучало слишком серьезно, но подсознательно она думала о том, что так ничего и не приобрела, а значит, не вполне сожалела об этой потере.

"Ты хороша во всем", - сказал Энтони. Казалось, он чувствовал колебания эмоций Одиннадцатой. "Дорогая маленькая Семь, у человека есть много сторон. А ты, с какой бы стороны ты ни встала, всегда остаешься собой", - многозначительно произнес он. Одиннадцать потрясенно посмотрела на Энтони, и он улыбнулся ей в ответ. Она почувствовала себя немного странно, но не могла понять, почему это странное ощущение. "Ты, кажется, знаешь все". "Малышка Семь, ты выглядишь очень торжественно. Я меньше десяти минут как стал твоим парнем, и, конечно же, ты непустишь меня так быстро?" Энтони посмотрел на нее собачьими глазами и попытался отвлечь ее внимание. Одиннадцать действительно разразилась безудержным хохотом. "Что за чушь ты несешь?" "Ты меня до смерти напугала! Правда! Я думал, что людей с этой должности снимают через некоторое время, а я планировал бороться до конца, скажем, лет до восьмидесяти?" Энтони махнул рукой и заговорил живо и в приподнятом настроении, как будто все так и было.

Она не знала, плакать ей или смеяться. Этот мужчина был чрезвычайно очарователен, он заставлял ее сердце трепетать. Несмотря на напряженность отношений между ними, он иногда позволял ей почувствовать в себе тепло и солнечный свет. Ей нравилось быть рядом с ним. Они немного погуляли по снегу. Одиннадцать хотела спросить его о его происхождении, но решила не делать этого. Поскольку он не спрашивал ее о своем происхождении, она решила ничего не спрашивать. Когда им нужно было говорить, они говорили друг с другом. Нечаянно увидев маленькую черную хижину, Элевен слегка опешила и замерла на месте. Погода сегодня стояла хорошая, и метель после обеда была гораздо меньше. Когда к вечеру начнется более сильная метель, видимость будет намного лучше, и она сможет разглядеть вдалеке маленькую черную избушку.

Энтони, увидев ее угрюмое лицо, почувствовал, как по его сердцу пробежал холодок, который он спокойно перенес. Одиннадцать, наблюдавшая за маленькой черной хижинкой, почувствовала, как на нее нахлынули волны эмоций, которые никак не могли утихнуть. При

виде маленькой черной хижины ей вспомнился Мо Е. Она не хотела вспоминать Мо Е. С тех пор как она покинула эту маленькую черную хижину, она запрятала эту мысль в самую глубину своего сердца и перестала думать, преследуя ее до полного игнорирования. Когда Энтони был рядом с ней, она почему-то не вспоминала Мо Е. Когда они с Энтони катались на коньках, она согласилась быть подругой Энтони и даже не вспомнила о Мо Е. Одиннадцать почувствовала себя ужасно. Значит ли это, что она отбросила прошлое и перестала любить Мо Е? Тогда она помнила все отчетливо и чувствовала себя крайне удрученной. Как можно было забыть все, что произошло вчера?

Она не понимала. В то время как здравый смысл подсказывал ей, что она ненавидит Мо Е, она смотрела на маленькую черную хижину и чувствовала острую боль в сердце. Казалось бы, она не ненавидела его, но примирилась ли она с этим? Нет! Она просто не знала, почему испытывает такие чувства. Был ли Энтони тому причиной? "Что случилось?" обеспокоенно спросил Энтони, обхватывая руками ее тело, чтобы она не задохнулась от холодного ветра. Одиннадцать улыбнулась. "Я вдруг вспомнила об этом человеке". "Ты действительно его ненавидишь?" спросил Энтони немного взволнованно, глядя на нее тревожным взглядом. "Ты выглядела не совсем нормально". Одиннадцать тихо улыбнулся, а затем сменил тему. "Мне немного холодно. Может, пойдем обратно?" Энтони тут же кивнул и укрыл ее, пока они шли обратно. Он с трепетом смотрел на маленькую черную хижину.

"Малышка Севен, я тебе нравлюсь?" Энтони внезапно остановился и притянул ее в свои объятия. В его голосе прозвучала настойчивость, и Одиннадцать растерялась, не зная, как ему ответить. Она не могла заставить себя сказать "нравлюсь". "I..." "Забудь об этом. Не говори ничего, пока я не буду готов это выслушать", - неожиданно прервал ее Энтони, отчего Элевен слегка опешила. Она не могла угадать настроение Энтони, но ей хотелось сказать ему, что он ей даже нравится. Почему он перебил ее? Похоже, он был уверен, что она скажет ему, что он ей неинтересен. Почему он так настойчиво хотел стать ее парнем? По дороге домой атмосфера между ними была по-прежнему очень хорошей, так как произошедший ранее инцидент никак не повлиял на них. Одиннадцать взяла с собой коньки, потому что хотела кататься при любой возможности, ведь это было очень приятно.

Как только они добрались до дома, Энтони приготовил для нее чашку теплого чая, чтобы согреть руки. Поскольку ужинать было еще рано, Энтони вернулся в свою комнату, а Одиннадцать ответила на звонок миссис Курт. Миссис Курт сказала, что вернется еще через два дня. Одиннадцать кивнул и поболтал с миссис Курт. Она рассказывала анекдоты со своей свадьбы, звонила два дня назад и упомянула, что вернется еще через два дня, чтобы заняться свадьбой. Она сказала, что навещает друзей и немного попутешествует перед возвращением домой. "Дома все хорошо?" Одиннадцать кивнула. "Все хорошо, не волнуйся". Когда она положила трубку, вышел Энтони. "Миссис Курт сказала, что вернется послезавтра", - сказала Одиннадцать. "Она сказала это два дня назад", - улыбнулся Энтони. "Ты голодна? Хочешь перекусить?" "Я не голодна", - улыбнулась Одиннадцать, укладываясь на диван и читая журнал. Энтони с любопытством подошел к ней и спросил, "Что ты читаешь?".

"Я буду читать все, что угодно, может быть, финансовые журналы", - сказала Элевен, когда Энтони помог ей подняться и усадил на диван. Затем он обнял ее. Будучи в некотором роде знаменитостью, он, наконец, исполнил свое желание - обнял ее после того, как жаждал этого в течение нескольких дней. Одиннадцать не привыкла к такой физической близости с другим человеком, но... она потакала Энтони, учитывая, как приятно он выглядел. Энтони было очень легко угодить. Лучше бы ему не жадничать и не входить в ее комнату. Если он это сделает, она его покалечит. Обогреватель нигде не был таким теплым, как на груди Энтони, и ей было очень уютно в его объятиях. Энтони тоже наслаждался этой атмосферой и расслабился, разговаривая с ней.

Закончив читать финансовые новости, Eleven случайно включила телевизор и увидела новости. Три члена итальянского парламента (МР) умерли от неестественных причин, о которых не уточнялось. В репортаже утверждалось, что левые партии вступили в конфликт с "Партито дель Потере" во время сбора голосов на выборах, и обе партии направили своих киллеров против другой партии. Однако официальная версия расходилась, и личность убийцы была определена неоднозначно, несмотря на возмущенное требование справедливости по отношению к убитым. Вот так, с помощью театрального искусства, правительство разыгрывало свою партию. Энтони опасно прищурился. Маленький Цзюэ, что ты делаешь? Мо Е вернулся в комнату, сменил батарею в телефоне и включил его. Затем он подошел к ванной комнате.

Как только он включил телефон, на экране появились десятки пропущенных вызовов, которые были почти от одного и того же человека. Пропущенный звонок Мо Цзюэ был одним из немногих, и тот же человек оставил голосовые сообщения на его электронной почте. Мо Е нахмурился и перезвонил. "Большой босс, вы наконец-то живы. Слава богу, я был в панике и пропустил..." "Хватит нести чушь. Что случилось?" резко спросил Мо Е, предчувствуя недоброе. "Большой Босс, госпожа Мэн приехала и остановилась в соседнем ресторане. Похоже, она ищет способы заставить людей очистить горный проход. Должен сказать, Би, что это с тобой такое, что ты уже несколько дней отключил свой мобильный телефон? Если я не смогу связаться с тобой в случае чрезвычайной ситуации, Второй Босс убьет меня", - ответил он впопыхах. "Как, блядь, она узнала, что я здесь?" Мо Е посмотрел вниз. Эта Мэн Ляньин имела наглость искать его. Раз уж у него не было времени придирается к ней, ей следовало бежать как можно дальше.

"Откуда, черт возьми, мне знать? Если я и должен на кого-то указывать, то на второго босса, который это сказал, а не на меня". Бирмингем тут же продал Мо Цзюэ, а Мо Е, нахмурившись, проигнорировал тираду Бирмингема. Мо Цзюэ никогда бы не раскрыл своих следов. Выяснять, как она узнала о его следах, было бесполезно, и Мо Е на мгновение задумался. "Задержите ее". "Босс, боюсь, у нас возникли трудности". голос Бирмингема звучал более неуверенно. Мо Е почувствовал дурное предзнаменование и рявкнул: "Что случилось?" "Приспешники госпожи Мэн с самого утра занялись расчисткой горной тропы. Большой Босс..." Бирмингем знал, что Мо Е впал в ярость и намеренно использовал термин "Большой Босс", при этом он звучал так, будто был на грани слез и закатывал истерику. Кто-нибудь другой, услышав голос этого человека, почувствовал бы, как по спине побежали мурашки. Для Мо Е все было как обычно.

"Бирмингем, ты бесхребетный человек. Почему ты не остановил её?" Мо Е впал в ярость, но не зарычал, боясь, что его услышит Одиннадцать. Если Мо Е впадет в ярость, то первыми пострадают барабанные перепонки Бирмингема. "Большой Босс..." Бирмингем застонала и ударила его по голове, пронзительно крича: "Большой Босс, вы должны знать, что мы находимся на территории России. Это не наша территория... У людей есть родители, супруги, дети, о которых нужно заботиться, и они не хотят умирать. Большой босс, вы должны поверить в мою преданность и не снижать мне зарплату. Второй босс наконец-то согласился повысить мне зарплату, а вся эта инфляция и стагнация зарплат не дают покоя. Пожалуйста, посочувствуйте нам, Большой Босс..." "Вы действительно..." Мо Е не знал, плакать ему или смеяться. Однако Бирмингем говорил очень быстро, и он, к счастью, привык к его манере речи. Если бы Бирмингем осмелился заговорить с Мо Цзюэ в такой же манере, Мо Цзюэ бросил бы трубку и не стал бы развлекать его болтовней.

"Когда они смогут расчистить путь?" "Примерно через два часа". Бирмингем говорил гораздо серьезнее, когда речь заходила о делах. "Она снова вступила в Российскую оперативную организацию?" "Мы еще не получили конкретного подтверждения. Мы только узнали, что она долго разговаривала с каким-то человеком на пляже, а потом пришла сюда. Есть вероятность, что этот человек обнаружил ваши следы", - сообщил Бирмингем. "Мисс Менг сначала хотела,

чтобы профессионалы расчистили горную тропу, а вы знаете, как я распорядился, чтобы никто из рабочих в этом районе не оказался под ее началом. В связи с этим она пригласила еще одну группу людей, и они - судя по ситуации - должны быть подготовленными агентами. Даже если она не присоединилась к Оперативной организации, она должна была заключить какую-то сделку". "Я знаю", - у Мо Е был злобный и коварный взгляд, вены пульсировали, когда он сжимал в руках мобильный телефон.

Бирмингем знал, что Большой Босс Мо был в ярости и не действовал слишком самонадеянно. Он не был слишком уверен в том, что произошло между Мэн Ляньин и Большим Боссом Мо, за исключением того, что Большой Босс Мо поручил ему внимательно следить за следами Мэн Ляньин перед ее исчезновением. Босс Мо догадался, что Мэн Ляньин обнаружит его местонахождение, и поручил Бирмингему остановить ее. Однако Бирмингем не знал, что между ними произошло, поскольку Мэн Ляньин была связана с Большим Боссом Мо, а отключение телефона Большим Боссом Мо на несколько дней означало, что он не мог узнать у Большого Босса Мо, что происходит. Учитывая сложившуюся ситуацию, ему ничего не оставалось, как спокойно наблюдать за развитием событий. Его действительно не следовало винить.

Он говорил как бы в шутку, но в то же время был очень серьезен. Поскольку Мэн Ляньин мобилизовала свои силы, он должен был эвакуироваться и не жертвовать собой без необходимости. Поскольку они находились на чужой территории, они знали, что их сила (относительно силы противника) и не должны были выходить против него один на один. "Биг Босс, что нам теперь делать?" проговорил Бирмингем, догадавшись, что у Большого Босса было достаточно времени на размышления. Мо Е хмыкнул. Он не мог позволить Мэн Ляньин подняться на гору, так как она могла встретиться с Одиннадцатю. Одиннадцатая узнает, кто он на самом деле. Он не боялся, что Одиннадцать узнает его личность, но в то же время очень скучал по этим дням. Во-вторых, он должен был признаться Одиннадцатой в своей сущности, а затем попросить Мэн Ляньин встретиться с ней. В этом случае в голове Одиннадцатого зародилась бы мысль о заговоре, который он не смог бы опровергнуть.

Он приложил немало усилий, чтобы вновь сблизиться с ней, и не допустил повторения того, что произошло пять лет назад. На этот раз Мэн Ляньин точно не получит своего. Гнев Большого Босса Мо вспыхнул, и ему потребовалось немало усилий, чтобы подавить гнев в своем сердце. "Я встречу её у подножия горы". "Сам? Большой Босс, не вините меня за то, что я не напомнил вам, что вы не можете противостоять всем, кто на ее стороне. Может быть, мне попросить людей затаиться в засаде в этом районе, чтобы не накалять обстановку?" "В этом нет необходимости". Мо Е отклонил предложение. "Я знаю, что Большой Босс способен на подвиги и передвигает горы, не нуждаясь в защите. Если ты можешь не бояться умереть, то я, черт возьми, боюсь умереть здесь. Если ты истечешь кровью, Второй Босс меня просто убьет. Большой Босс, пожалуйста, смилуйся над моей преданностью и заботой о тебе". "Не пугайтесь. Не предпринимайте никаких действий, пока я не дам код к действию".

"Вас понял. Большой Босс мудр", - удовлетворенно польстил Бирмингем. Мо Е закончил разговор и посмотрел на наручные часы. Поскольку было еще рано, он должен был успеть приготовить ужин. Постучав в дверь к Элевен, Мо Е открыл ее и увидел, что она лежит и рассматривает фотоальбомы госпожи Курт. У госпожи Курт было много фотоальбомов, пожилые супруги побывали во многих местах и сделали множество красивых снимков, которые сохранили. "Почему ты до сих пор не спишь?" "Я лежал и не устал". Одиннадцать улыбнулась, глядя, как Мо Е снимает ботинки. Одиннадцатилетняя девушка посмотрела на Мо Е и спросила: "Что ты делаешь?" "Сопровождаю свою девушку", - уверенно ответил Мо Е и, несмотря на сопротивление Одиннадцатой, забрался в её постель, обняв её. Он наслаждался экстатическим ощущением ее тепла. "Энтони, пожалуйста, не перегибай палку, а то я тебя

отлуплю". "Разве я перегибаю палку?" Мо Е невинно посмотрел на неё. "Я боялся, что тебе скучно. Разве не будет приятно, если два человека будут смотреть на них вместе?"

Одиннадцать стиснула зубы, а Мо Е поцеловал ее в щеку. Он обнял ее, пока она листала фотоальбом и прижималась к его теплой груди. Их конечности сплелись в компрометирующей позе, так как она сидела на его ногах. Одиннадцатая корчилась от смущения, а Мо Е быстро поправил ее тело и прошептал на ухо: "Семерка, пожалуйста, ни в коем случае не двигайся, когда мужчина обнимает тебя вот так. Если ты это сделаешь, он подумает, что ты намекаешь ему на продолжение". Одиннадцать почувствовала, что ее лицо нагрелось, и ей показалось, что ее мозги вот-вот сгорят. Ее уши были совершенно красными, когда она почувствовала, что в его нижней половине нависла кажущаяся угроза. Шея Элевен покраснела, она не смела пошевелиться и просто тихонько лежала в его объятиях.

Мо Е мягко улыбнулся. Со стороны он увидел её покрасневшие уши. Ее розовая шейка казалась довольно милой, и он не мог удержаться от того, чтобы не пососать и не пощипать мочки ее ушей. Одиннадцать почувствовала, как ее тело превращается в желе, и уронила толстый фотоальбом на одеяло. Она вздрогнула и почувствовала, что ее силы полностью иссякли от безумного чувства, превратившего ее в кашу, которую он неистово ласкал. Она содрогалась до такой степени, что перестала быть собой... "Э... Энтони..." Она не могла сдерживать нежный стон и резко оборвала себя, безуспешно пытаясь оттолкнуть его от себя. Она еще больше испугалась, когда поняла, что звучит так... маняще. Когда его член напрягся, Элевен почувствовала, как он уперся ей между ног, и запаниковала. Ей хотелось раздвинуть ноги, чтобы бежать, или взять все в свои руки и безжалостно резать его. В вопросах похоти она была совсем новичком и не могла с этим справиться.

Мо Е обхватил ее руками за талию и с силой притянул к себе. В этот момент он почти выкрикнул ее настоящее имя. Одиннадцать, Одиннадцать... "Энтони, не надо..." Одиннадцать сопротивлялась, но почувствовала, что ее голова поворачивается, и их губы сомкнулись. Он целовал ее так сильно, что не мог позволить ей сопротивляться, а его руки шаловливо шарили по ее рубашке. Когда его ледяные руки соприкоснулись с теплой кожей Элевен, на нее нахлынули волны паралича, и она попыталась вывернуться, чтобы избежать его. В итоге она обмякла в его объятиях, а он жадно впился в ее сладость. Когда его руки стали разминать ее нежную грудь без лифчика, он не удержался от соблазна и расстегнул лифчик. Он сразу же принялся ласкать ее гладкие бугорки.

Он не был страстным человеком и, в силу своей личности, редко видел рядом с собой женщин, так как не мог никому доверять, не говоря уже о постели. Мо Е и Мо Цзюэ получили одинаковое образование в юности и были невинными людьми с небольшим количеством желаний. Однако он не был таким нелепым, как Мо Цзюэ, и в юности имел пару женщин. Позже он вспылал чувствами к Одиннадцатой и не смог удержаться, чтобы не обнять ее, не поцеловать и не взять к себе в ту маленькую черную хижину. Именно тогда он узнал о своих плотских желаниях. После того как он принял Мэн Ляньлинь за Одиннадцать, Мэн Ляньлинь уже не вызвала у него тех чувств, что Одиннадцать. Огромный яд, содержащийся в Мэн Ляньлинь, мог бы причинить ему вред, если бы соединился с его телом; интересно, кто мог отравить Мэн Ляньлинь таким зловещим ядом? Мэн Ляньлинь знала об этом, но честно рассказала ему.

Он тогда ничего не почувствовал и не придавал этому происшествию особого значения. Если у него ее не было, значит, так тому и быть. Лишь спустя несколько лет он облегченно вздохнул, не в силах противостоять своим желаниям. Поскольку Мэн Ляньин не могла удовлетворить сексуальные потребности Мо Е, он - из привязанности к ней - не был сексуально неверен. Любил ли он Мэн Ляньин на самом деле? На самом деле нет. Самым простым доказательством

этого было отсутствие у него сексуального желания по отношению к ней. Он надеялся вылечить ее, чтобы она была здорова и жила хорошо. Он всегда говорил себе, что любит ее больше всех. Как же он мог ошибаться? Однако к Одиннадцати он относился по-другому. Будь то пять лет назад или сейчас, его всегда тянуло к ней. Когда бы он ни обнимал ее, его мысли блуждали и думали о том, как он будет целовать ее, обнимать и хотеть ее для себя. Желание обладать ею было настолько сильным и неистовым, что ему приходилось подавлять его ценой своей жизни.

До того, как он узнал о ней, он испытывал подобные чувства, когда находился в городе А. Именно по этой причине он боялся предать Мэн Ляньинь и свое обещание по отношению к ней. Он долго думал, стоит ли использовать её для спасения Мэн Ляньин, но в итоге решил. Он хотел спасти Мэн Ляньин и выполнить данное ей обещание. Поскольку она спасла его, он был обязан ей своей жизнью. Даже если бы он не влюбился в ту, кто спас его, он был бы так же безжалостен к ней, когда она попала в трудную ситуацию, чтобы она смогла полностью восстановиться. Им и так пришлось пережить слишком много испытаний, и все дополнительные испытания были пустяковыми. Он не ожидал, что может ошибиться в человеке. Как только он узнал правду, все слова Одиннадцатой впечатались в его сердце. Встреча с ней под псевдонимом "Энтони" потребовала от него огромного самообладания, чтобы нормально с ней разговаривать. Такие уловки и обещания навевали на нее неизгладимый кошмар.

"Энтони, остановись", - прервал его воспоминания голос Одиннадцать. Мо Е посмотрел на нее глубоким взглядом, в котором было несколько намеков на настойчивость и боль, разрывающую сердце. "Маленькая Седьмая, тебе действительно не нравится, что я к тебе прикасаюсь?" "Я не привыкла к этому", - Элевен была крайне смущена, так как он не убрал руки с ее груди, когда он спросил. Это было так... неловко, что она почувствовала, как потеплело ее лицо. "Раз так, то начинай привыкать к этому с сегодняшнего дня", - тихо сказал Мо Е, целуя мочки ушей Элевен. Одиннадцать вздрогнула, и он улыбнулся. Эта невинная девушка ответила на поцелуй однозначно, и это было ее эрогенное место, перед которым она была бессильна устоять.

Если он действительно хотел заполучить ее для себя... Он думал об этом каждую ночь. Когда он видел ее улыбку, он особенно радовался. Теперь, когда она официально принадлежала ему, он не собирался отказываться от своего права иметь с ней дело. Когда пальто Элевен расстегнулось, она вдруг вспомнила о своем теле, когда он потянул ее за пальто. Одиннадцать вдруг набралась сил и надела пальто. "Энтони, перестань валять дурака", - ее лицо стало чуть менее теплым. Она не хотела, чтобы он видел ее изуродованное тело, не говоря уже о многочисленных проколах иглой в руке... Она не хотела, чтобы их кто-то видел. "Что случилось?" В то время как она явно потерялась в толпе своей страсти, почему она вдруг стала такой хмурой? Что он сделал не так? Он хотел обладать ею, но понимал, что сейчас неподходящее время: нужно сначала провести ее, а потом спуститься с горы и встретиться с Мэн Ляньин. Он не ожидал, что его мысли начнут блуждать, как только он обнимет ее, и не сможет остановиться.

"Ничего", - улыбнулась Одиннадцать. "Ты тоже перегнул палку. За то, что ты, будучи моим парнем, думаешь о таких вещах в первую очередь, тебе можно поставить минус". Мо Е рассмеялся. "Негативные очки тебе, если я не буду думать об этом". Шея Одиннадцатой, ставшая холодной, снова стала теплой. "Ладно, не буду больше тебя дразнить. Я пойду передохну. Ты справишься одна?" Одиннадцать покачала головой, и Мо Е поцеловал её. "Малышка Семь, жди моего возвращения". "Хорошо!"